

В.П. Горюнов

## УПРАВЛЕНИЕ И ВЛАСТЬ: РОССИЙСКИЙ СЦЕНАРИЙ

В настоящее время для сохранения целостности Российской Федерации экономических оснований имеется не больше, чем было в распоряжении Советского Союза, и наоборот, оснований для распада России сейчас не меньше, чем их было для распада СССР. Главную роль в развале СССР сыграла персонифицированная борьба за власть в условиях общего усиления власти на местах по мере ослабления центральной власти, а его деление на самостоятельные государственные образования по этническим, культурно-историческим основаниям явилось лишь формообразующим фактором. Другое дело, что само ослабление центральной власти в СССР не было исторической случайностью или субъективной издержкой, – исчерпала себя действовавшая в нем форма общественной организации в условиях складывания новой социальной реальности в мире под влиянием научно-технической революции, а реформировать ее монополярная партийная власть оказалась неспособной. Следовательно, с одной стороны, распад СССР оказался неизбежным, но с другой стороны, развитие Советского Союза, как страны, не было безальтернативным. Развал страны – вот главный итог крушения СССР. Он отбросил на периферию мирового развития большинство составлявших его республик, и, по-видимому, бывшие граждане некогда великого государства еще не осознали весь трагизм и масштабы исторической катастрофы, участниками которой они оказались, – возможно, потому, что еще не проявились все ее исторические следствия.

Основной парадокс централизованной командно-административной системы состоял в том, что прежде всего страдала целостность не только материально-технического, но всех сфер общественного развития. В условиях рыночного регулирования, когда, казалось бы, нет народнохозяйственного комплекса как единого объекта непосредственного управления, а есть просто общее экономическое пространство, в усилении материально-технической целостности объективно и субъективно заинтересованы все участники материально-технического развития. Однако она продолжает разрушаться, вопреки всякому здравому смыслу, по крайней мере, по трем причинам:

Во-первых, приоритет политических целей перед экономическими в период революционной ломки обусловил разрыв экономических связей на всех уровнях политической организации общества – от межреспубликанских до межобластных.

Во-вторых, после разрушения командно-административной системы сами собой разорвались экономически не обоснованные связи, державшиеся ранее на диктате центральных управленческих органов.

В-третьих, государство оказалось бессильно перед натиском неэквивалентного обмена с внешним миром и просто односторонним потоком капитала в известном направлении. Основные пути материально-технического развития – создание новой техники, повышение производительности труда, интенсификация и рост эффективности производства, разработка и внедрение прогрессивных технологий, экономия ресурсов и т.д., – все они имели форму реализации, связанную с централизованным, директивно-распределительным управлением. Теперь такого управления нет, но это не означает, что все проблемы материально-технического развития отрегулируются сами собой на основе рыночного механизма, поскольку "частника" не надо призывать к экономии, повышению производительности труда, передовой технике и др. Разумеется, на микроуровне принуждать частного к явной выгоде не надо. Но общество, как целостное образование, превышает сумму отдельных частных, будь то одиночки-ремесленники или огромные корпорации. Оно заинтересовано в материально-техническом развитии, понимаемом более широко, чем отдельные субъекты понимают свою выгоду; общество должно иметь свою целостную национальную экономику, а в ее основе единую материально-техническую систему, иначе оно не сможет существовать как самостоятельная единица мирового сообщества.

Россия, как ранее СССР, испытывает постоянное внутреннее напряжение на разрыв, непрекращающееся действие силы распада, преодолеваемое скрепляющей силой центральной власти, способной обеспечить единство страны как субъекта социального взаимодействия. Понятие сильной власти в России предполагает реальную возможность подавления тенденций к сепаратизму и регионализму, проистекающих из объективной недостаточности экономических оснований ее целостности, что, в свою очередь, вызвано недостаточным уровнем материально-технического развития для сглаживания (компенсации) природных различий, естественной дифференциации территории России, являющейся зачастую главным фактором социальной дифференциации населения. За сохранение целостности по принципу "любой ценой" приходится расплачиваться допущением элементов регионального иждивенчества, доходящего до возможности жить за чужой счет.

Исходя из географических и демографических условий развития современной России и ее особого места в геополитическом мировом пространстве, создание устойчивой общественной системы, саморегулируемой на основе последовательно реализуемых принципов либерализма, в обозримом будущем представляется маловероятным. Соотношение тенденций демократизма и либерализма – с одной стороны, авторитаризма и централизма – с другой, определяется не столько внутренними, сколько внешними движущими силами развития России. Либерализм в современных условиях не обеспечивает главного –

сохранения устойчивой самостоятельности в системе внешней социальной дифференциации.

Для России централизм есть историческая необходимость как в плане установления и поддержания единых норм общественной жизни (правил игры) внутри, так и для обеспечения внешних благоприятных условий ее существования. Однако эта объективная необходимость централизма в России, связанная с ее особенностями как интегрированного целого, никак не может перекрыть его объективного отрицания, связанного с неспособностью обеспечить эффективное управление дифференцированным целым. В осознании данной пока что неразрешимой проблемы выбора между централизмом и либерализмом, пожалуй, и состоит ощущение исторической безысходности российской общности.

Советский централизм держался на фактическом полновластии партии, и государство было только проводником решений ее руководящих органов. Это был мощный механизм, обеспечивающий заданную структуру материально-технической целостности народного хозяйства. Теперь нет ни такой партии, ни такого государства – старый механизм сломан. Рынок, как регулятор целостности, еще не созрел и в своем нынешнем виде скорее разрушает ее, чем создает, на первый план сейчас вышла проблема укрепления новой государственности как гаранта общественной целостности вообще.

Система решений об отказе от централизма на постсоветском пространстве подобна армейской строевой команде “Разойдись!”. Людей освободили от обязанностей перед обществом, “строй распустили” и от командной системы организации общности перешли к самоорганизации, предполагающей установление правил игры, но не предписывающей людям их роли и места в обществе. Однако в общности с глубокой социальной дифференциацией, какой является и современная Россия, где нет необходимых условий для всеобщего выживания, не может быть и единых общепринятых правил жизни, потому что в такой общности, ставшей жить по схеме “разрешено все, что не запрещено”, для многих людей сама жизнь по возможностям ее поддержания оказывается в запретной области. Иначе говоря, наряду с освобождением людей от обязанностей перед обществом произошло освобождение общества от ответственности за людей. Но такое общество нежизнеспособно, оно не в состоянии выдержать конкурентного натиска со стороны других обществ. Людей необходимо снова собрать, – вот главная задача настоящего момента и ближайшего периода для России. Весь вопрос в том, кто и как это сможет сделать?

Главное условие достижения социальной целостности России понятно в принципе: она должна стать технологически лидирующей общностью с такой степенью превосходства, чтобы иметь преимущества в обмене результатами производственной деятельности с другими

общностями и получать за счет этих преимуществ дополнительные ресурсы жизни. Но механизм реализации этого условия отсутствует, нет даже четкого видения его конструкции. И до тех пор, пока такой механизм не будет разработан, единственным ожидаемым решением проблемы сохранения России остается громкая и внятная команда “Выходи строиться!”.

Создание системы общественной жизни на одних только экономических отношениях неосуществимо в принципе в силу ограниченности силы экономического принуждения. Без нормативности внеэкономического принуждения сохранить целостность общности и удержать ее в границах определенного порядка невозможно. Также невозможно обойтись и без экономических отношений. Весь вопрос в том, каково соотношение экономического и внеэкономического регулирования системы общественных отношений. Для России на протяжении всей ее истории характерно преобладание внеэкономического принуждения, реализуемого в системе иерархического строения общества. В ее основе лежит так называемая вертикаль власти, поддерживаемая определенной социальной силой: царская власть – служивым помещичьим сословием, советская власть – партийной организацией, нынешняя президентская вертикаль власти пока что такого силового наполнения не имеет, поскольку отсутствует достаточная социальная база власти, и вообще еще не сложилась устойчивая социальная структура России в ее нынешнем состоянии.

Социальная, прежде всего имущественная, дифференциация в России частично сохранила старую централистскую основу в виде различия людей по степени их приближенности к власти, однако она стала намного более глубокой. Новым и главным основанием дифференциации стало различие людей по их отношению к собственности. В целом положение человека в обществе (его социальная ниша) стало определяться сначала его корпоративной принадлежностью, а уж потом способностями. Распорядитель властью и владелец крупной собственности, госуправленец и топменеджер, звезды зрелищного, юридического, медицинского и прочего сервиса, – вот примерный список так называемых людей успеха, потребляющих большую часть ресурсов жизни. Подавляющая масса российского населения далека от власти и лишена собственности, это люди бюджетного содержания и социального подаяния, а вместо среднего класса имеется незначительная промежуточная прослойка (точнее – сгустки) обеспеченных людей, не обладающих собственной идеологией.

В теоретическом плане главное здесь не в конкретной российской статистике, а в характере внутриобщностных отношений социальной дифференциации, который аналогичен характеру межобщностной социальной дифференциации глобального мира. Это означает, что Россия, как и мир в целом, корпоративно разделена и разобщена по схеме “цель –

средство”, где объективно не может быть места стремлению к единству, где последовательный эгоизм, жизнь за счет других являются естественной нормой индивидуального и корпоративного существования, где за один и тот же труд люди получают разное вознаграждение, потому что они принадлежат к разным структурам, разделяющимся, прежде всего, на государственные и частные. Борьба между властью и собственностью, как двух главных корпораций в России, направлена на подчинение одного другому. Подчиненность собственности государству является исторически традиционным, проверенным и оправдавшим себя состоянием, а подчиненность государства собственности несовместима с сохранением целостности России. Но пока что государство в этой борьбе с собственностью, во-первых, далеко от последовательного выдерживания широких национальных интересов, во-вторых, оно чаще идет на компромиссы и уступки и во многом выполняет функции не главного распорядителя общности, а наемного управляющего, обеспечивающего корпоративное право одних слоев населения жить за счет других, оно не может обеспечить равные условия существования своих граждан. В принципе государство не является орудием в чьих-то конкретных руках, но оно недостаточно сильно само по себе, а потому вынуждено действовать в частных интересах.

Понимание объективной необходимости централизма в России должно сопровождаться пониманием того обстоятельства, что авторитарная власть сама по себе, как власть над людьми, есть зло в той мере, в какой она в своей персонифицированной представленности означает всего лишь власть одних людей над другими. Беззащитность человека перед властью оказывается по сути его беззащитностью перед другим человеком, а закон предстает уже не как высшая сила разума, стоящая над людьми и уравнивающая их перед собой, а как слепая стихийная сила, работающая на тех, в чьих руках она находится. Не случайно в народе издавна бытует поговорка: “Закон, что дышло, – куда повернул, туда и вышло”. Для России всегда была актуальна и другая, таящая глубокий смысл поговорка: “От тюрьмы и от сумы не зарекайся”. Ни один человек не может быть гарантирован ни от того, ни от другого, как бы он ни старался этого избежать, поскольку ни экономической, ни правовой устойчивой, логически непротиворечивой системы общественной жизни не существует. Последнее в полной мере относится и к либеральному, гражданскому обществу, где неравенство людей перед законом определяется различием возможностей оплачивать юридические услуги.

Централизм удерживает целостность России, но сопровождается разного рода нарушениями абстрактно-гуманитарных норм, насильственными действиями по отношению к обычным, рядовым гражданам. Бесправие маленького человека – вот зло централизма.

Единственное, что оправдывает безжалостность диктатора – централиста к другим – это его безжалостность к себе. Власть, которая просто манипулирует своими маленькими людьми, не может считаться централистской.

Утверждение необходимости централизма в России не является ценностным высказыванием, то есть рассмотрение централизма в России с позиций должного может быть только с определенных идеологических позиций. Сам по себе централизм не зло и не благо, здесь работает конструкция “централизм необходим для того, чтобы ...” или “централизм будет в том случае, если ...”. А вот эти самые “чтобы” или “если” люди выбирают сами (стихийно или организованно). По организующей форме либерализм демократичен, централизм – тоталитарен, но в основе того и другого лежит диктатура: в основе либерализма – диктатура собственности, в основе тоталитаризма – диктатура власти. Выбор же здесь такой: “Либо Россия без демократии, либо демократия без России”. В этом выборе Россия и демократия предстают как две самостоятельные, объективно альтернативные ценности, в которых по-разному заинтересованы разные слои населения. Радикальные меры по укреплению российской государственности означают возврат не к некоему пугающему старому, а к нормальному состоянию, соответствующему геоисторической формуле России. Необходимость “оглядываться” на Запад и стремление избежать упреков в мнимом нарушении демократии свидетельствует лишь о том, что, во-первых, Россия существует в глобальном мире, а во-вторых, что демократия есть орудие давления на нее.

Либерализм ведет к растворению России в глобальном открытом обществе, централизм ведет к ее изоляции, отторжению и неизбежной конфронтации с либеральным миром. При этом в России есть силы, на словах равно озабоченные ее благополучием, но объективно толкающие страну к одной из крайностей либерализма и централизма. Западники и славянофилы, либералы и консерваторы (сейчас – демократы и государственники), – вот исторические линии политико-экономического противостояния в России. Коммунисты, сумевшие на практике реализовать принципы централизма до пределов тотального огосударствления общественной жизни, в настоящее время не имеют своей полярной пары (противоположности). Сейчас против них все – и государственники - монархисты, и государственники - республиканцы, и либералы - демократы всех мастей.

В целом можно сказать, что в настоящее время в России нет организованной политической силы, достаточно полно выражающей ее национальные интересы и опирающейся на широкую социально-экономическую базу. Возможно, это объясняется объективной противоречивостью геоисторической формулы России, не позволяющей соединить в рамках современной цивилизации свободу внутреннюю и

свободу внешнюю. Наверное, потому и была ее судьба всегда крепко связана с появлением личностей, на какое-то время вздыбливающих страну.

Нынешняя ситуация, когда обуславливающие российскую жизнь факторы (нефть и газ) находятся в частных руках, а определение места России в глобальном мире зависит от власти, является объективно противоречивой и конкретно для России неблагоприятной, ненормальной. Частная деятельность либеральна по своей природе, частнику все равно в какую целостность вписываться, лишь бы это давало экономический эффект. В глобальном либеральном мире Россия, как общность, для частника является отвлеченным понятием, ему нужны приемлемые налоги, а не национальные приоритеты. Для России всегда было самым трудным делом соединение интересов власти и собственности (общества и личности), а в конечном счете – просто совместно живущих людей.

Идеи либерализма и сильного государства на первый взгляд кажутся несовместимыми. Вместе с тем, в лидирующих общностях свобода граждан и сила государства находятся в отношении прямой пропорциональности, ибо именно государство обеспечивает с помощью диктатуры закона независимость друг от друга членов общности и их привилегированное положение по отношению к членам менее развитых общностей. В России единство либерализма и государственности всегда было нонсенсом, потому что сила государства всегда означала диктатуру кого-то над кем-то, осуществляемую на той или иной социальной базе, будь то княжеская дружина, царские опричники, помещичье сословие или однопартийная система с ее диктатурой совести. И всегда эта внутренняя структура сочеталась с активной, воинствующей внешней политикой. Соответственно, реализация либерализма в России никогда не шла дальше смуты внутри и обессиливания вовне.

В соответствии с этим следует рассматривать, в частности, вопрос о демократии в России. Давно уже сказано, что демократии “вообще”, как идеи, не существует, она всегда и везде наполняется определенным конкретно-историческим содержанием. Наиболее общей и существенной характеристикой демократии является свобода, понимаемая как независимость людей друг от друга, их равенство в подчинении единым нормам социальной жизни. Однако эти нормы общественного бытия не обладают всеобщностью законов природы, они вырабатываются и устанавливаются в ходе развития конкретных общностей в соответствии с их геоисторической формулой и являются конкретизацией фундаментального социального отношения “цель – средство”. Поэтому демократия принципиально не может быть всеобщей, она дискретна в том смысле, что отношением равенства и независимости друг от друга охватываются лишь определенные социальные группы людей, объединенные общностью определенного способа социальной жизни.

Иначе говоря, человечество как совокупность землян не объединимо общим демократическим отношением.

Объем демократии в общности, т.е. степень охвата населения отношением равенства и независимости друг от друга, определяется уровнем ее материально-технического развития и положением общности в системе межобщностного взаимодействия, что, в общем-то, является одним и тем же, но в разном выражении. Передовые, лидирующие общности, занимающие господствующие позиции в мире, наиболее полно охвачены отношением демократии. Объем демократии в России никогда не был широким, и для его расширения в обозримом будущем пока что реальных оснований не просматривается. Здесь, как и в сфере материально-предметной жизни, в настоящее время нет смысла ни устраивать гонку за лидером, ни соблазняться иллюзией собственного превосходства, отрицающего образцы Запада и Востока. России нужна своя демократия, обеспечивающая сбалансированное равновесие интересов и, самое главное, направленная на сохранение целостности страны, что является для нее высшей ценностью.

Обращаясь к современным проблемам власти в России, важно понимать, что, во-первых, политика, ориентированная на достижение западных стандартов хозяйствования, авантюрна и провальна; во-вторых, централизм в России есть главное условие сохранения целостности страны, его нельзя заменить неким гибридом вертикали власти и абстрактной демократии, он либо есть, либо его нет.

Нет смысла рассматривать демократию по схеме "нужна – не нужна", объективно она возможна или не возможна, исходя из действия техносоциальной формулы. *Демократия существует только там и тогда, где и когда существуют отношения равенства, понимаемого как отношения свободных, не зависящих друг от друга людей, связанных отношением партнерства, единого интереса и солидарности в их общем социальном противостоянии другим людям, занимающим другие позиции в социальном пространстве.* Речь, в частности, идет либо о господствующих слоях в рамках одной общности, либо об общностях в целом, господствующих в системе межобщностных отношений. Соответственно, в подчиненных или замкнутых общностях (человечество в целом может рассматриваться как замкнутая общность) неизбежна глубокая социальная дифференциация, и демократия там невозможна и просто бессмысленна. Таким образом, в реформируемых или вновь образующихся общностях сначала должно быть равенство и лишь потом (на его основе, а не после) демократия. Если демократия идет впереди, то она, наоборот, создает и углубляет неравенство, после чего сама сокращается до рамок господствующих слоев.

Закон в высоком смысле самого этого слова есть регулятор отношений между свободными, равными людьми в устойчивой системе

социального взаимодействия. В наличии такого закона заинтересованы все полноправные члены лидирующих общностей, ибо он поддерживает социальное равновесие. В сословном обществе, в пределах привилегированных сословий, в ряде случаев бывает достаточно норм морали. Применительно к России такого рода понимание закона возможно лишь в абстракции, поскольку в условиях перманентного социального реформирования закон устаревает и превращается в разрушительный фактор быстрее, чем начинает действовать в соответствии со своим назначением. Объективный реформизм социальной жизни в России предопределяет доминирование целесообразности, адекватность которой, т.е. недопущение крайностей волюнтаризма и анархии, обеспечивается "хозяйствующим" централизмом.

В лидирующих общностях нет левых и правых как социальных антагонистов. По существу там двухпартийная (двухблоковая – при множестве разнородных партий) система, применительно к которой понятие центра бессмысленно, – функции центра часто выполняет монархия. Две партии (два блока) – это территориальные, производственные, этнические и пр. конкуренты, сменяющие друг друга у власти в соответствии с объективной цикличностью, периодичностью экономического, социального, политического развития. Смысл демократии состоит в саморегулируемой сбалансированности общественных сил, а не в их уравновешенном, но напряженном и взрывоопасном равнодействии. Идея политического центра в России как межпартийного, независимого (надпартийного) – это идея просто власти, центральной власти как абсолютной власти, которая в России никогда и не была партийной. Межпартийный центр предполагает опору на большинство политически однородного населения, но для глубоко дифференцированной России это мираж. Центр в России не имеет политических флангов, такими флангами в ней были и остаются западники и славянофилы. Для России левые и правые тоже нетипичны, их появление связано с периодами кризисов, переломов, безвластия, безвременья в XX веке. В России власть больше, чем власть. Власть в России – это все.

Двухпартийная система означает наличие двух реальных систем власти, всегда готовых к полнометражному властному управлению. Эта система может быть двухпартийной буквально (США) или гибкой, изменчивой по составу, но относительно устойчивой двухблоковой (Европа). В России всегда была односистемная (монархическая или партийная) власть. В настоящее время вполне закономерно идет процесс выкристаллизовывания односистемной власти. Двум реальным системам власти в России не состояться, по крайней мере, в настоящее время. Не односистемная власть в России не будет реальной.

Смена власти есть отражение смены циклов в технико-экономической жизни, в предметном бытии. В передовых странах эта цикличность более

динамичная, скоротечная, что обуславливает и динамичную преемственность власти (устойчива система власти, изменчивы ее персоналии). Двухпартийная система есть проявление закона циклических колебаний власти, одна из его исторических форм, присущих лидирующим общностям, где периодическая смена власти осуществляется демократично (по крайней мере, формально) в виде всеобщего волеизъявления голосованием. В отсталых общностях с их глубокой социальной дифференциацией циклические колебания власти происходят насильственно, нередко в виде кровавых переворотов. Но в любом случае имеет место народное участие, колебание народной поддержки. Природа самих колебаний власти объясняется невозможностью ее фиксации в силу действия техносоциальной формулы, и в основе становления новой власти всегда лежит отторжение старой. Геоисторическая формула России предполагает более инерционное технико-экономическое развитие, а потому и наличие субъективно более выраженной преемственности власти.

Преемственность власти в лидирующих общностях обеспечивается тем, что партии, проигравшие выборы и находящиеся в оппозиции власти, работают не на разрушение, не на ее подрыв и опрокидывание любой ценой, а на конструктивное участие в созидании, ибо оппозиционной партии статистически-закономерно гарантирован приход к власти через некоторый промежуток времени. Борьба между партиями за власть объективно складывается как борьба за более эффективное управление общностью. При этом все слои населения знают свои интересы и выбирают власть в соответствии с ними. Т.е. смена партий у власти является выражением объективной цикличности, периодичности в развитии общности. А в России борьба партий во время выборов и между ними представляет собой маленькую гражданскую войну, никогда не затухающую, а только менее или более разгорающуюся. Власть в России абсолютна и монопольна, реальная двухпартийность оборачивается двоевластием. В настоящее время в России открытая, публичная власть, как и оппозиция ей, не обладает действительной силой. Реальная политика, где принимаются реальные решения, находится вместе с реальной экономикой в тени. Каковы там действующие механизмы борьбы и смены власти, этого не знает никто, кроме реальных участников борьбы.

Смена власти и смена курса в России почти всегда совмещались, будучи сугубо взаимозависимыми составляющими единого социального процесса. Для российской геоисторической формулы это норма: с одной стороны, невозможность длительных циклов однотипного устойчивого развития требует частой смены курса; с другой стороны, инерционность авторитарной власти не позволяет это делать независимо от ее смены, поскольку изменение курса обусловлено изменением состава правящей системы. Наиболее оптимально такая синхронность обеспечивалась

естественной цикличностью перемены монархической власти, корректируемой в случае необходимости различными формами дворцовых переворотов. Главная ценность такого механизма состояла в том, что смена курса обеспечивалась в основном изменениями в верхнем эшелоне власти и не вызывала глубинной социальной напряженности. Общество оставалось спокойным и управляемым. Система однопартийного управления в России (СССР) оказалась настолько инерционной, что полностью исключила возможность изменения курса даже при смене власти. Но в условиях социальной динамики XX века это не могло не кончиться катастрофой.

Разрушение России при помощи навязывания либеральных ценностей в конечном счете выражается в привитии тезиса “все вокруг чужие”, нет никакого “мы”, есть только “я” и остальные, причем все свободны. Таким образом, соборность, коллективизм, патриотизм отождествляются с “мы”, подчиняющим “я”. Такая общность не способна сопротивляться разрушению через внутренне разложение и распад, т.е. разрушению без нашествия, как одному из способов устранения конкурентов. По данной схеме либеральных ценностей могут существовать только лидирующие, господствующие общности. Впрочем, российская соборность отнюдь не означает особой ментальности в виде тяги широких масс к коллективному существованию. Соборность – это, скорее, привычка жить сообща по команде, организуемая сверху дисциплинированность, коллективная покорность при индивидуальной эгоистичности. Поэтому не случайно при ослаблении власти соборность приобретает форму анархии как тоже коллективного действия.

Социальная борьба составляет основное содержание общественной жизни в России, она есть ее субстрат, исходная материя. Поэтому понять российскую жизнь можно только лишь с позиций участников борьбы, т.е. с позиций определенного интереса. Логика в этой действительности нет, есть только борьба и логика борьбы.

В России все противостояние закона и справедливости, справедливости и эффективности, добра и зла во всех их проявлениях сводится к простой силовой борьбе за власть (форма господства). Побеждает не закон или беззаконие, справедливость или эффективность, добро или зло и т.д. В России побеждает сила, только она легитимна. Сила возносит человека на социальный верх, а траектория этого вознесения не имеет значения.

В настоящее время одним из самых распространенных лозунгов является призыв к созданию в России гражданского общества. Схема рассуждений при этом по сути такая же, как и в ходе не столь давнего обсуждения проблемы построения коммунистического общества. Дескать, до него еще далеко, мы еще не созрели, вот его главные черты и детали, вот чего нам сейчас не хватает и т.п.

Гражданское общество в современном российском контексте понимается как правовое, либеральное общество, где главенствует закон, а не традиции и не привилегии, а законы творятся всеми и перед законом все равны. Иначе говоря, гражданское общество – это общество свободных, не зависимых друг от друга людей. Применительно к отношениям между общностями это означает открытое общество, когда в нем равны и свободны все, а не только члены данной общности.

В лидирующих общностях Европы и Америки государство опирается на предельно широкую социальную базу независимо от чередования правящих партий и динамики персональных рейтингов политических лидеров, обеспечивая действие силы закона внутри общности и закона силы вне ее. В России то и другое уместается в границах одной общности – сила закона внутри узкой господствующей прослойки и закон силы по отношению к основной массе населения.

Удастся ли соединить либерализм и государственность в современной России? Это определится характером социальной опоры государства и содержанием внешней политики. То и другой сейчас не определить, потому что еще не сложилась социальная база сильного государства. Геоисторическая формула России дает очень узкий диапазон возможных вариантов, среди которых более или менее явственно просматривается композиция с преобладанием силуэтов, испещренных пятнами камуфляжа.

Сущностное понимание управления необходимо предполагает вычленение и анализ двух свойственных ему фундаментальных моментов:

1. Спонтанная самоорганизация человеческой (общественной) жизнедеятельности принципиально невозможна по техносociальной формуле, общественная организация имеет централизующее волевое, силовое начало. Вместе с тем, это силовое начало (властный центр) по причине несовпадения общественных интересов устанавливается только в непримиримой борьбе и всегда имеет ограниченный ресурс (потенциал) регулирующего, подчиняющего воздействия на общность. Следовательно, сфера управления изначально и всегда остается предметом бескомпромиссной борьбы – борьбы за власть, за господство над общностью. Силловые структуры – это средство в руках власти, определенных социальных сил. Если власть ведет антиобщностную политику, то силовые структуры просто распадаются, ибо они не могут быть средством разрушения общности по определению. Если власть слабая, то силовые структуры морально разлагаются, ибо, как люди, они играют по существующим правилам, а если это правила растаскивания национальной собственности, то они активно в этом участвуют, пользуясь своим преимуществом – владением информацией.

2. Главной функцией управления, ради которой общность, как объект управления, терпит насилие со стороны власти, как субъекта

управления, является обеспечение возможности выживания общности в окружении других общностей и превращение их жизнедеятельности в средство ее собственного существования. При этом в лидирующих общностях власть ответственна за общество и перед обществом (перед большей частью населения), а в отстающих общностях власть ответственна за себя и перед собой (перед меньшей частью населения).

Поскольку борьба за власть в конечном счете представляет собой общественно выраженную, организованную борьбу за выживание, принципиально незавершенную в силу действия техносоциальной формулы, постольку существование власти всегда будут сопровождаться наличием оппозиции, двойственной по своей социальной природе. Одно ее направление отождествляет себя с подчиненной массой населения (людьми – средствами), провозглашает защиту ее интересов и декларирует уничтожение самого отношения “цель – средство”. Данное направление традиционно обозначается как левое. Другое направление, соответственно – правое, является составной частью господствующего населения (“людей – целей”), имеющей иные интересы в общих рамках господства, конкурирующей с его властью имущей частью и борющейся с ней за более приемлемые для себя условия своего привилегированного положения.

В лидирующих общностях современного мира оппозиция не делится на левую и правую в той мере, в какой там отсутствует внутреннее разделение населения на цель и средство. Функцию последнего выполняют другие общности, т.е. отношение “цель – средство” вынесено вовне (или привносится извне в виде иностранной рабочей силы). В отстающих или изолированных общностях оппозиция вообще нетипична по причине их глубокого социального раскола и авторитарности власти, в силу чего левое движение имеет характер стихийных бунтов, а правая оппозиция реализуется в виде заговоров, и смена власти происходит по сценарию дворцовых переворотов. XX век продемонстрировал варианты левого и правого тоталитаризма, когда идеологическое единство общества оказывается настолько сильным, что не только политическая оппозиция, но даже идеологическое инакомыслие переводится в ранг уголовной преступности и подлежит абсолютному уничтожению.

В принципе по такой же схеме разделяются власть и оппозиция в системе межобщностного социального взаимодействия. Там есть доминирующие общности, наиболее полно реализующие свое лидерство (власть), есть лидирующие общности, претендующие на передел мировой власти (правая оппозиция), и есть подчиненные общности, объективно заинтересованные в обретении самостоятельности (левая оппозиция). По мере расширения глобализации и в силу неравномерности материально-технического развития мировое сообщество будет все более стремиться к образованию данной трехэлементной социальной структуры при

одновременной тенденции к перераспределению ролей в системе отношений “цель – средство”.

Таким образом, главное в понимании управления состоит не в вопросе о признании или отрицании борьбы как сущностной характеристики управления, а в вопросе о характере этой борьбы, т.е. о соотношении, соподчиненности ее внутриобщностных и межобщностных отношений.